

Завтра в Большом театре начинаются гастроли Королевского балета Великобритании. Одно из особых событий — участие в программе бывшего ведущего танцовщика, а ныне приглашенной звезды Covent Garden Ирека Мухамедова. Самый яркий солист последнего периода Григоровича покинул Большой театр в 1990 году. Перед началом гастролей Ирек Мухамедов встретился с корреспондентом Газеты Ольгой Гердт.

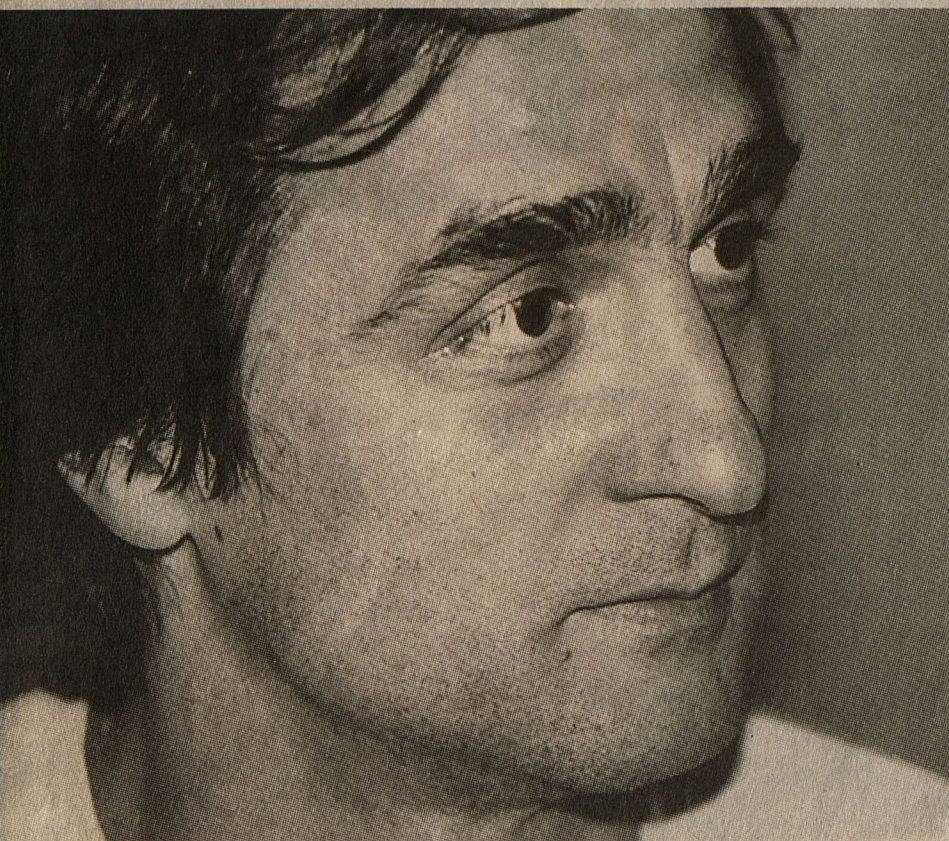
ловаться на сцене. Но я считаю, и Макмиллан так настраивал: если не делать на репетиции, как на сцене, ничего и там не получится. Чтобы зритель поверил, что я прощаюсь с женщиной в последний раз, я должен это понять в студии. А на сцене надо жить. Просто делать движения нет смысла.

Вам трудно было адаптироваться в Covent Garden? Устанавливать, например, дистанцию приходилось? У нас ведь не установишь — на голову сядут...

Я понял, что в Большом ничего не будет происходить, потому что Юрий Николаевич стал делать свою компанию — «Молодой балет». Ставить Григоровичу не давали, мы все боролись за то, чтобы ему дали возможность работать. Все занимались собраними. Григорович на это плюнул и сделал компанию. И я понял: все, теперь не до грибов, не до нас. Я развелся, нам с Машей (вторая жена Ирека Мухамедова, солистка Большого театра. — Газета) надо было начинать новую жизнь. А где ее начинать? Ну только не в России. Я по-

“я по России не скучал”

Ирек Мухамедов — Газете

У осевшего в Англии экс-премьера Большого театра есть «большая земля, свой дом и своя частная дорога». Но «капиталистом» он себя не чувствует
Фотограф: Игорь Захаркин/Газета

Вы впервые за тринадцать лет переступили порог Большого театра, и что? Не могу понять, что чувствую. С одной стороны — трудно поверить, а с другой — очень смешно, потому что я, честно говоря, уже и не рассчитывал вернуться и танцевать на сцене Большого. То, что произошло, и вызывает у меня смех: слишком неожиданно Королевский балет предложил мне поехать на гастроли и танцевать спектакли Макмиллана.

Вы не отказались, потому что это Макмиллан или потому что это Большой театр?

Потому что это Макмиллан. Сегодня его спектаклей у меня уже мало, поэтому хочется их танцевать больше. Я согласился бы танцевать Макмиллана на любой сцене. Двойная удача, что это сцена Большого театра.

Как получилось, что Макмиллан начал ставить на вас?

Как только я заикнулся о том, что хочу быть не гостем, а резидентом, то есть членом труппы Королевского балета — а я к тому моменту уже был известен в мире, поэтому объяснять англичанам, кто я такой, не нужно было, — Макмиллан тут же заявил, что хотел бы делать балеты для меня. И первое, что он сделал, — то самое па-де-де, которое я буду здесь танцевать. На основе этого па-де-де он сделал потом балет «Зимние грезы» по чеховским «Трем сестрам». Я без ложной скромности могу сказать, что стал «последней музой» Макмиллана. Два последних своих спектакля он поставил специально для меня — «Три сестры» и «Иудово дерево». Потом, и тоже специально для меня, восстановил балет «Майерлинг», в свое время не принятый публикой. На Западе балеты Макмиллана всегда воспринимались не сразу — он шел немножко впереди балетного искусства.

Это вы натолкнули его на мысль поставить Чехова?

Видимо, это был простейший способ начать сотрудничество: мне не надо было объяснять ни кто такой Чехов, ни кто такой Вершинин. Макмиллан прекрасно понимал, что я на этом материале воспитан. Он дал мне полную свободу в ощущении образа, в моем понимании того, что происходит в тот или иной момент. Я могу импровизировать на сцене — но это было позволено мне хореографом. У нас был такой контакт, какого, наверное, у меня потом уже ни с кем не было.

Но вы недолго проработали вместе.

Да, два года всего лишь. Он умер на премьере «Майерлинга», за кулисами... После пяти спектаклей исчез психологический барьер, шокное состояние прошло и дальше — не то чтобы легко стало, просто этот спектакль сам по себе приятно танцевать: ты должен постоянно понимать, кто ты такой. Сделать пируэт и отключиться здесь не главное. А вот сделать пируэт в состоянии того принца-невротика, которого я играю, — другая задача.

Макмиллан не просил умерить темперамент? Ему не казалось, что вас «много»? Нет, наверное, это было как раз то, что ему было нужно.

Но английский стиль все-таки отличается от русского.

Да, конечно, как и типичный английский характер. Англичане никогда моментально не откроют душу или двери дома: «Заходите, всем добро пожаловать!» Такого нет. Они долго узнают друг друга, и даже когда становятся друзьями — и то не всегда распрощаются объясняя. Этот характер и на сцене проявляется. Сцена все проявляет: какой ты в жизни, такой будешь и на сцене.

Мы с фотографом Захаркиным на вашей репетиции поспорили. Я сказала: «Посмотри, Мухамедов даже на репетиции целуется всерьез, это что-то индивидуальное?» А он говорит: «Нет, это наша школа, у нас так учат». (Смеется.) Ну да, это наша школа. Хотя, насколько я помню, у нас нельзя было це-

Наверное, именно потому, что я прошел эту школу, когда сады на голову, легко было. И англичане помогали. Они не ждали, когда я сделаю что-то не так, а помогали освоиться, войти в компанию. Я выучил английский язык только разговаривая с танцовщиками — ни в какую специальную школу не ходил.

Вы живете как англичанин или по русской привычке всех сразу в дом тащите?

Не-ет, в этом смысле я согласен с англичанами: «Мой дом — моя крепость». Не всегда двери открыты и не всем. Но когда двери открыты, они открыты для всех (*хохочет*) — во как странно! Но я думаю, что после тридцати лет жизни в том обществе, в котором мы существовали до перестройки, до всего этого развала, трудно измениться, это уже в крови. Как бы я ни старался стать «капиталистом», уже не получится. У меня есть внутреннее ощущение: да, я капиталист, потому что у меня большая земля и свой дом. Я хожу по своей земле, у меня своя частная дорога — в этом смысле, может быть. Но я отличаюсь от английских артистов уже тем, что закончил русскую, московскую школу. Я могу соединить ее с английской, это дает мне больше плюсов.

Вы уехали премьером — человеком со звездным статусом, положением. Стали первым танцовщиком в Лондоне. Можете объяснить разницу?

В Советском Союзе мы, звезды Большого театра, находились на привилегированном положении. Могли получить машину, скажем, без очереди. Квартиру бесплатно. На Западе — больше частного, приватного. Даже если ты звезда и тебя узнают, не подбегают и не кричат: «А-а! Вы Ирек Мухамедов, дайте автограф!» Это считается бескультурьем и нарушением личного пространства. В Англии я чувствую себя привилегированным, но в других местах: когда меня приглашают в королевский дворец, например. А купить машину — ну идешь и покупаешь любую машину... Какие тут привилегии?

С русскими балетными эмигрантами вашего поколения вы общаетесь — с Малаховым, Деревянко?..

Нет, нет. Ну, если где-то пересекаемся на гастролх, то да. А чтобы ездить друг к другу в гости — такого нет.

Слух прошел, что вы театр возглавили в Польше...

Да нет же. Я поставил «Лебединое озеро» в Театре Вельки. Я с удовольствием взял бы какой-нибудь театр, но пока нет. Я, поняв, что могу делать хореографию, пока занят этим. Вот буду делать балет «Спартак» в Гонконге.

А воспоминания о спектакле Григоровича вам не помешают?

Я, наверное, больше драмбалетный хореограф. Я сделал балет для детей в Лондоне «Принц и нищий», где прежде всего пытался с помощью танца рассказать историю. У нас (в Большом театре. — Газета) «Спартак» — больше техническая вещь, в нем хореография мужского танца такая, что заставляет вас сидеть на краешке стула. Я же пытаюсь сделать так, чтобы драма заставила людей сидеть на краешке стула, а не то, что кто-то прыгает и делает разномжки. Я беру историю из книги «Спартак» Джованьоли, а не ту перделанную, которая была у Григоровича, — но я не говорю, что у него было плохо.

Вы напряженно расстались с Григоровичем?

Почему? Нет. Было все нормально. Просто ситуация была такая. Григорович занялся своими делами, Большой театр — своими. Ну и танцовщики стали заниматься своими делами. Я не поехал с Большим на гастроли в Америку и Италию, где весь репертуар планировался на меня. Естественно, что Григорович как арт-директор мог рассердиться, обидеться. Но для меня ситуация складывалась так, что либо в Англию, либо на гастроли в Италию.

Вы решительный человек?

Кто? Я? Да для меня это был шок, честно говоря, когда я понял, что надо уезжать.

нял, что, если новых спектаклей тут ставить не будут, моя карьера пойдет на дно. Осталось только бежать.

В Covent Garden не приходилось бастовать, как в Большом?

Вот в этом-то и счастье: ты занимаешься искусством и ничем другим. От этого действительно происходят другие успехи.

Вас как танцовщика сделал Театр Касаткиной и Василева, где вы начинали, или все-таки Большой?

Ха! Я думаю, Большой. Репертуар делает танцовщика. Такие спектакли, как «Спартак», «Иван Грозный», «Золотой век», «Раймонда», «Щелкунчик», — они давали крылья. Очень жалко, что эти спектакли Григоровича не идут на Западе. Например, такого «Щелкунчика» я больше нигде не видел. Если бы Юрий Николаевич дал мне право, я бы добавил в этот спектакль настоящих детей и он прошел бы в сто раз лучше.

Ваши дети учатся балету?

Старшая, Александра, учится в артистической школе. Ей двенадцать, а это уже такой возраст, когда надо решать, заниматься балетом серьезно или нет. Она решила заниматься. Наверное, это была моя ошибка: она станцевала в моем спектакле «Принц и нищий», и ей это понравилось (*смеется*). А младший — ему семь лет — Макс, он... Ну нет. Я танцевал в Италии спектакли на музыку Теодоракиса — так он засыпал на них! Все поют, музыка гремит, а он спит себе. Нормальный, здоровый ребенок. Он хочет делать дизайн для машин. Сейчас занимается плаванием, хочет быть чемпионом по плаванию.

Между собой дети говорят только по-английски. Мы с ними — по-русски. Макс уже издается над нами. Когда мы разговариваем с Машей, он заходит, открывает дверь и говорит (*передразнивает сына*): «Извинит-те», а потом переходит на английский.

Ваша жена в Англии уже не танцевала? Нет, занималась детьми, домами.

Домами? Их много?

За тринадцать лет мы поменяли шесть домов. Жили шесть лет в Лондоне, а потом переехали за город — очень здорово. За городом в Англии жизнь потрясающая! Маша занимается садом, а я... работой. У меня там студия.

Два года назад вы оставили пост ведущего танцовщика в Covent Garden. Что дальше?

Я пытался быть директором, проходил аудишн — не получается. Либо очень молодой, либо апломба не хватает: не знаю, наверное, как себя вести, разговаривать. Но я понял, что могу быть хореографом, — никогда не думал, что получу от этого удовольствие. Раньше, когда я пытался делать «Отелло» в своей компании, — видел только себя, только свою вариацию, и все, дальше я ничего не видел. Сегодня я вижу других. Мне не нравится ставить на себя. В Королевском балете в этом году отмечали десять лет со дня смерти Нуриева, и я сделал специальный номер на музыку Скрябина — ту самую музыку, которую Нуриев выбрал для своего первого соло, когда приехал в Англию в 1961 году и Фредерик Аштон сделал хореографию для него на эту музыку. Никто не знает эту хореографию. Я взял эту же музыку и в честь Рудольфа сделал свой номер: зрителям понравилось, критикам понравилось, но я не получил удовольствия, потому что ставил на себя.

А директором вы пробовались...

Это не секрет — и в Английский Королевский балет, и в Английский Национальный балет, и в Шотландский балет. Но номер не прошел. Наверное, я что-то не то говорил.

Здесь вас теперь романтизируют. Говорят, за первое дело вы готовы и карьерой пожертвовать. Вы такой?

Нет. Я думаю, мне просто очень хотелось помочь Юрию Николаевичу. Я понимал, если он останется, мы еще что-то создадим. Были же задумки — «Болт», «Светлый ручей», достаточно было идей. Потрясающих идей.

Ну надежда-то на Юрия Николаевича была слабая...

Но хоть что-то двигалось. Новых хореографов вообще тогда не было! Сейчас только начинают появляться. Поэтому хотелось, чтобы он остался. Я как ведущий танцовщик понимал, что, если Григорович будет ставить, я в любом случае буду в его репертуаре. Так что я боролся за Григоровича в первую очередь из-за себя. Потом, конечно, я понял, что это никому не нужно. Я помню еще забастовку здесь, в Большом театре, когда я разговаривал с Горбачевым по телефону. Мы задержали «Раймонду» на двадцать минут, а Горбачев приехал на этот спектакль. Он позвонил срочно министру культуры, министр приехал, обещал все сделать, встретиться с нами. Мы начали спектакль. Ничего он, конечно, не сделал.

Какие-то сюжеты из той жизни в Большом театре имеют для вас особую сентиментальную ценность?

(*Делает страшные и комические гримасы, выслушивая вопрос.*) Нет, честно говоря, я не скучаю — ни по театру, ни по России. Наверное, потому что... Я виню в этом скорее себя: мы с Машей начали практически новую жизнь на Западе: собрали новую семью, сделали наш новый дом, создали нашу новую родину. Да, родители, наши мамы, остались здесь, в России, но корни, которые уже сегодня держат нас, — они на Западе. Дети прежде всего. Поэтому ностальгии нет.